

Сильви
Вартан:

«НЕЛЬЗЯ ЖИТЬ ЛИШЬ ДЛЯ СЕБЯ»

ПОРТРЕТ

Вообще-то кинопродюсер Тони Скотти собирался в Советский Союз по делам. Но его жена Сильви попросила: «Возьми меня с собой, я никогда не была там...»

Несколько дней в Москве, потом в Санкт-Петербурге. С виду обычные туристы или влюбленные, часами бродили они по набережным Москвы-реки и Невы, и никто из прохожих не догадывался, что эта бросающая стройная блондинка рядом с представительным мужчиной спортивной осанки — Сильви Вартан, «звезда» французской эстрады, всемирно известная певица. Когда-то магнитофонные бобины с ее голосом звучали в московских квартирах во время молодежных вечеринок. Но было это давно...

Итак, она никогда не была в Советском Союзе.

— У меня не возникало никакого желания попасть за «железный занавес», потому что я не могла забыть свое детство, — рассказывает Сильви в интервью корреспонденту журнала «Пари-матч». — В первые послевоенные годы мы жили в Болгарии, и коммунистический режим принес много зла моей семье и нашим друзьям. У меня остались воспоминания от той поры: например, портрет Сталина, который надо было вывешивать на балконе по праздникам. Хорошо помню форму милиционеров, которые приходили к нашим соседям и забирали их с собой... Каждый раз, когда я вспоминала это кошмарное время, то признавалась себе, что не в состоянии его забыть. И потому я не хотела приезжать в страну, которая навязала этот кошмар другим...

И все-таки она приехала сюда. Спустя восемь месяцев после поездки в Болгарию, страну своего детства. Она решила составить компанию мужу, хотя только что вернулась из Лос-Анджелеса и, смертельно уставшая, еще не успела прийти в себя. Но — вылет в Москву в тот же день. 20 часов в воздухе! Ты видишь, Тони, как она любит тебя.

— Это хорошо, что мы приехали вдвоем. Одна я бы никогда не решилась... Тони встретился в Москве с продюсерами и прокатчиками, которым намерен предоставить права на показ некоторых картин из своего каталога. Тони

знал Советский Союз еще хуже меня. И я решила, что уж лучше сама буду его гидом...

Соборы Кремля, золото куполов в предзакатном небе, особенно красивых на расстоянии, если смотреть на них с борта прогулочного теплохода на Москве-реке; закоулки старой Москвы, многолюдный Арбат, так напомнивший ей Монмартр — она купила здесь акварель и куклы-сувениры, изображавшие прежних советских вождей. Она оплакивала отчаяние людей, с которыми заводила разговор, любопытствуя по поводу очередей у магазинов. Она раздарила кучу подарков случайным знакомым.

— Я поняла, что правильно поступила, приехав сюда. Я смотрела на русских солдат и милиционеров на Красной площади и не испытывала страха. Хотя раньше они внушали мне его... Но как грустен и мрачен этот огромный город! У меня сжималось сердце при виде этой нищеты и неуюта. Я сама из бедной семьи, и иногда мне кажется, что моя нынешняя жизнь — это сон, мечта... Впрочем, я совершенно не привязана к вещам. Я предпочитаю людей — они гораздо важнее. Поэтому когда я увидела, что система сделала с народом, лишив его буквально всего в угоду касте политиканов, я вся задрожала от гнева...

Сильви Вартан — дочь эмигрантов, в неполных 8 лет сама ставшая эмигранткой. Путешествие на Восток было для нее

серьезным духовным уроком. Сегодня она говорит о желании работать в Ассоциации помощи молодой болгарской демократии. Ассоциации, которую она сама и основала. Кто бы мог прежде подумать: Сильви Вартан — и политика!

— Нет, — говорит она, — живя только для себя, не думая о том, чтобы облегчить несчастья других, невозможно быть счастливым.

И снова воспоминания: сильные волны Невы, тротуары Невского проспекта, самого длинного в «северной Венеции», завтрак в Литературном кафе, базилика Исаакия... Она улыбалась детворе. Кстати, у нее двое сыновей — Дэвид и Джонни. Втроем они выступают в ноябрьском концерте, весь сбор от которого пойдет в помощь Болгарии — так решила Сильви.

— Моя ассоциация действует под контролем Красного Креста. Сейчас нам нужны деньги и медикаменты. Я знаю, всех проблем решить не удастся. Но дело, которому я намерена отдать себя, сильнее меня...

Последняя фотография на «арбатском Монмартре». Потом был Санкт-Петербург, медленно погружающийся в белую ночь. Правда, тогда он еще звался Ленинградом. И впереди был месяц август...

Б. ЮНАНОВ.

Фото из журнала
«Пари-матч».